

УДК: 821.161.1.0

DOI 10.23951/1609-624X-2017-11-194-202

НАПРАВЛЕНИЯ ВОСПИТАНИЯ ЦЕННОСТНОЙ СТРУКТУРЫ ПОВСЕДНЕВНО-ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНОГО СОЗНАНИЯ Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО

А. Н. Кошечко

Томский государственный педагогический университет, Томск

Представлен анализ начального этапа становления экзистенциального сознания Достоевского. Семейная сфера обнаруживает ориентацию родителей писателя на ценности традиционной семьи и патриархальной модели воспитания. Ориентация на традиционные ценности в семье Достоевских реализуется на уровне принципов межличностного взаимодействия (моногамность, многодетность, уважение и почтение к старшим) и приоритетов в воспитании детей (опора на образование и трудолюбие, приучение к правде, порядочности, ответственности, любви к Родине и национальной культуре). Исследование фактов детства Достоевского позволяет выделить три взаимосвязанных направления воспитания ценностной сферы его повседневно-экзистенциального сознания: эмоциональное, смысловое, религиозное. Соединенные в единое фундаментальное Событие судьбой писателя, они служат своеобразными симптомами осознания Достоевским-ребенком своей экзистенции, связанного неразрывно со светом и словом как способами восприятия бытия и самоосуществления себя в нем. Особое значение в этом процессе – помимо семейного чтения и уроков Закона Божьего, паломнических поездок в Троице-Сергиеву Лавру – имеет обучение в пансионах, первый опыт столкновения Достоевского с внешним миром, потрясение от встречи с собственным Я, самостоятельная попытка реализовать «не-алиби в бытии» через обретение способности говорить от своего имени. В этот период чтение становится способом формирования смыслового ресурса его личности, способом уединения и размышления в пространстве пансиона. Осознание своего «Я емь» в бытии, процессуально освоенное в детстве, формирует ценностно-смысловую сферу повседневно-экзистенциального сознания Достоевского и реализуется в текстовой деятельности. Опыт собственного детства как нравственный ориентир станет для писателя критерием разграничения «прежде» и «теперь», «семьи» и «случайного семейства» как разных духовных и нравственных способов существования. Систематическое разрушение духовных оснований семьи, пренебрежение к выполнению родительских и сыновних обязанностей, воспитание цинизма, равнодушия, отрицания приводят к утрате смысла существования. Семантическая емкость образа семьи и поведенческая семейная традиция положены в основу формирования образа мира в «Дневнике писателя» Достоевского и романов Великого Пятикнижия. Из идеи семьи как явления русской жизни выстраивается в его творчестве положительная программа преодоления духовного кризиса человечества.

Ключевые слова: *Ф. М. Достоевский, автор, экзистенциальное сознание, атрибутивные характеристики, ценности, православие, сознание, детство, подросток, воспитание, рефлексия, «пограничная ситуация», «текущая процессуальность», «случайное семейство», «Подросток», «Дневник писателя».*

Воспитание – сложный многоуровневый процесс обучения, развития информационной сферы личности, формирования мировоззрения, системы ценностей, представлений о добре и зле, принципов (в том числе социального взаимодействия). Главное, что в этом процессе родители сознательно формируют будущую личность писателя, набор общих и уникальных психофизиологических свойств, которые он затем будет транслировать на окружающий мир и на основании которых будет выстраивать собственную экзистенцию.

Факты, свидетельствующие о раннем этапе жизни Достоевского, его детстве и юности, достаточно спорны и противоречивы. Недостаточность объективной информации приводит к тому, что многие исследователи сознательно избегают разговора об этом периоде жизни писателя. Парадоксально, что анализу не подвергаются свидетельства самого Достоевского, его размышления в творческих записях к романам, письмах о том, что ран-

ние впечатления детства, связанные с родителями и годами учения, глубоко запали в его душу и не покидали его до последних лет жизни: «...Достоевский будет возвращаться памятью к проведенным в Москве годам детства и ранней юности: свидетельства об этом мы встретим не только в его письмах к родным и близким и в их воспоминаниях, но и в его рабочих тетрадях, в черновиках его гениальных романов» [1, с. 12].

Для Достоевского этот период значим своей главной направленностью на становление сознания, отчетливо понимаемой будущим писателем процессуальностью происходящего, множественностью ситуаций, связанных с ценностным выбором, в результате прохождения которых формируются уникальные черты личности, доминантный «сюжет» его поведенческого текста.

Литературный и культурно-исторический контекст судьбы Достоевского связан с двумя сферами влияния: внешней, социальной и внутренней, се-

мейной. Анализируя план внешний, мы видим, что детство писателя связано с целым рядом принципиально важных в социальном и ценностно-мировоззренческом плане событий русской истории и культуры XIX в. В первую очередь это касается Отечественной войны 1812 г., в которой в качестве военного врача принимал участие Михаил Андреевич Достоевский. В детстве писатель часто слышал о войне, Бородинском сражении, взятии Москвы, которую была вынуждена покинуть семья его матери. Первые годы сознательной жизни Ф. Достоевского (1826–1836) совпадают с периодом после восстания декабристов. В социальном плане это время политического кризиса, широкого распространения шпионажа, доносов, арестов, уничтожения любых объединений, развивающих идеи декабристов. Нестабильность ситуации в России сопровождается «холерными бунтами», революцией во Франции, восстанием в Польше. Две полярных по своему потенциалу эпохи оказываются тесно связанными с судьбой семьи Достоевского: эпоха подъема, гражданской экзальтации, патриотизма, выдающихся личностей и высоких идеалов сменяется эпохой подавления и уничтожения всего, что связано со свободой и достоинством человека, атмосферой тревоги, неопределенности, подмены ценностей интересами государственной системы. На первый взгляд, эти события далеки от непосредственного опыта Достоевского-мальчика, живущего в своем микромире, выстроенном по всем канонам классического дворянского воспитания с его установками на развитие интеллектуальной и культурной сферы личности. Однако атмосфера эпохи формирует систему приоритетов в воспитании детей в семье Достоевских и особое переживание мира, которое впоследствии проявит себя в полярности натуры писателя.

Исследование фактов детства Достоевского позволяет выделить три взаимосвязанных направления воспитания ценностной сферы его повседневно-экзистенциального сознания:

- 1) эмоциональное – формирование чувственной сферы личности;
- 2) смысловое – формирование интеллектуальной сферы личности;
- 3) религиозное – развитие духовной сферы личности.

Каждый из этих уровней последовательно реализуется в судьбе писателя, первоначально подчиняясь воле родителей, направляющих свои усилия на образование и воспитание своих детей, потом существует в виде своеобразного внутреннего императива, руководящего поступками уже состоявшейся личности. Эти направления необходимы не для стандартного в размышлениях о фактах биографии и умозаключения о том, что события, факты

и люди из жизни «одного московского семейства среднего, темного круга» нашли отражение в творчестве писателя. Цель заключается в ином: понять, как происходит формирование ценностно-смысловой сферы повседневно-экзистенциального сознания Достоевского и ее продуцирование в дальнейшем в текстовой деятельности.

Семейная сфера обнаруживает ориентацию родителей писателя на ценности традиционной семьи и патриархальной модели воспитания. Ориентация на традиционные ценности в семье Достоевских реализуется на уровне принципов межличностного взаимодействия (моногамность, многодетность, уважение и почтение к старшим) и приоритетов в воспитании детей (опора на образование и трудолюбие, приучение к правде, порядочности, ответственности, любви к Родине и национальной культуре).

Формирование чувственной сферы личности происходит у писателя преимущественно в раннем детстве (1820-е гг.), когда он сам, его братья и сестры открывают для себя мир традиционным для русской культуры способом – через сказки. Каждый вечер по три-четыре часа подряд они слушают сказки про «Жар-птицу», про «Алешу Поповича», про «Синюю бороду» и другие, которые рассказывают «почти шепотом, чтобы не мешать родителям», в темноте крестьянские кормилицы Лукерья и Катерина, а также читают «лубочные издания сказок», в том числе «Бову-королевича» и «Еруслана Лазаревича». Гостившая у Достоевских «старушка Александра Николаевна» рассказывает детям сказки «Тысячи и одной ночи». В зрелом возрасте писатель будет неоднократно вспоминать о няне Алене Фроловне, которая была для детей источником позитивного отношения к миру: «Всех она нас, детей, вырастила и выходила. Была она тогда лет сорока пяти, характера ясного, веселого и всегда нам рассказывала такие славные сказки!»¹ (т. 22, с. 112). На раннем этапе становления своего сознания, до овладения грамотой, Достоевский познает мир через непротиворечивые целно-мифологические модели, которые дают ему пищу для воображения и размышления. По его собственным словам, «фантазия есть природная сила в человеке, тем более во всяком ребенке, у которого она, с самых малых лет, преимущественно перед всеми другими способностями, развита и требует утоления. Не давая ей утоления, или умертвишь ее, или обратно – дашь ей развиться именно чрезмерно (что и вредно) своими собственными уже силами. Такая же натуга лишь истощит духовную сторону ребенка преждевременно. Впечатления же прекрасного именно необходимы в детстве» (т. 30, кн. 1, с. 211–212).

¹ Ссылки на источник [2] даются в круглых скобках с указанием тома и страницы.

Если принять во внимание опубликованные П. В. Быковым «Выдержки из автобиографии Ф. М. Достоевского», которые он записал под диктовку писателя в конце 1870-х годов, то можно предположить, что в эти вечера в Федоре зарождались первые попытки творчества: «По старшинству я родился вторым, был прыток, любознателен, настойчив в этой любознательности, прямо-таки надоедливы (курсив мой. – А. К.) – и даровит. Года в три, что ли, выдумал слагать сказки, да еще мудреные, пожалуй, замысловатые, либо страшные, либо с оттенком шутовства. Я их запоминал...» [3].

Одновременно с развитием воображения, формированием первичных ценностных представлений о мире и человеке, которые дети получают из сказок, родители писателя начинают работу над их интеллектуальной сферой через домашнее обучение. С ранних лет детям внушалось отношение к знаниям как к средству для благополучного устройства жизни: «...отец не любил делать нравучений и наставлений, но у него была одна, как мне кажется теперь, слабая сторона. Он очень часто повторял, что он человек бедный, что дети его, в особенности мальчики, должны готовиться пробивать себе сами дорогу, что со смертью его они останутся нищими и т. п. Все это рисовало мрачную картину» [4, с. 70].

Чтобы дети выросли высоконравственными сознательными личностями, они должны были пройти путь испытаний. На этом пути их должен был сопровождать взрослый человек, способный в нужное время подсказать верное решение, помочь, объяснить, направить. Таким человеком в семье Достоевских выступал отец.

Михаил Андреевич в силу особенностей характера не был хорошим педагогом, но принял для себя решение каждый вечер заниматься с детьми латинским языком. Эти занятия воспринимались ими как тяжелое испытание, потому что сопровождалось целым рядом жестких дисциплинарных моментов. В частности, отец требовал, чтобы сыновья во время урока «по часу и более не смели не только сесть, но даже облокотиться на стол». «Братья очень боялись этих уроков», потому что отец «был чрезвычайно взыскателен и нетерпелив, а главное, очень вспыльчив»: «Главнейшим для нас было то, что отец вспылит. Так и при латинских уроках, при малейшем промахе со стороны братьев, отец всегда рассердится, вспылит, обзовет их лентяями, тупицами; в крайних же, более редких, случаях даже бросит занятия, не докончив урока, что считалось уже хуже всякого наказания» [4, с. 65].

Но были и другие способы общения с детьми на важные темы. Так, младший брат писателя Андрей Михайлович Достоевский вспоминал о семейных вечерних прогулках летом в Марьиной роще, кото-

рые «происходили весьма чинно и дети <...> не позволяли себе порезвиться, побегать <...> отец всегда разговаривал с детьми о предметах, могущих развить их», например, рассказывал «о геометрических началах, об острых, тупых и прямых углах, кривых и ломаных линиях» [4, с. 48]. В этом воспоминании обращают на себя внимание два принципиально важных момента. Дети «не позволяли себе порезвиться, побегать»: не «им запрещали», а они сами «не позволяли себе». Этот прецедент сознательного выбора модели поведения приобретает особое значение в историко-культурном контексте. Во времена детства Достоевского Марьиная роща была своеобразным «развлекательным комплексом»: здесь располагались трактиры, балаганы с кукольными представлениями, звучал народный хор, пение цыган [5, с. 17]. Само пространство делало допустимым свободную форму общения, игры и шалости, но дети предпочитают развлечениям общение с отцом. Для Михаила Андреевича было важно интеллектуальное развитие детей, поэтому характеристика «всегда» говорит о традиции таких прогулок, ставших формой диалогической коммуникации с ценностно значимым взрослым, с отцом, который был несомненным духовным авторитетом в семье. Опыт этих детских прогулок с отцом найдет отражение в творчестве Достоевского. В частности, сон о лошадке в «Преступлении и наказании» достаточно точно воссоздает детские впечатления писателя, символически трансформируя их в экзистенциальные артефакты сознания героя: «Приснилось ему его детство, еще в их городке. Он лет семи и гуляет в праздничный день, под вечер, с своим отцом за городом. Время серенькое, день душливый, местность совершенно такая же, как уцелела в его памяти: даже в памяти его она гораздо более изгладилась, чем представлялась теперь во сне. Городок стоит открыто, как на ладони, кругом ни ветлы; где-то очень далеко, на самом краю неба, чернеется лесок. В нескольких шагах от последнего городского огорода стоит кабак, большой кабак, всегда производивший на него неприятнейшее впечатление и даже страх, когда он проходил мимо его, гуляя с отцом»² (т. 6, с. 46).

Актуальность вопроса образования детей проявляется в апеллировании к образцам из «ближнего круга» семьи, которые, вероятно, рассматривались Михаилом Андреевичем в качестве стратегического ориентира. В частности, он дает высокую оценку сыновьям священника больницы Иоанна Баршева, которые блестяще окончили Московский университет и были посланы за казенный счет за

² Ср. одна из дорожек Марьиной рощи вела к Лазаревскому кладбищу, на котором позже похоронят мать Достоевского Марию Федоровну.

границу: «Ежели бы мне, не говорю уже дожидаться, но быть только уверенным, что мои сыновья так же хорошо пойдут, как Баршевы, то я бы умер покойно!» [4, с. 31].

Стремление родителей воспитать доброго, порядочного, самостоятельного человека предполагало создание духовного фундамента личности через раннее приобщение к религиозному опыту православия. Каждое воскресенье и в большие праздники вся семья ходила в больничную церковь ко всеобщей и к обедне. С официальными визитами Достоевских посещал священник больницы Иоанн Баршев и его сыновья. Каждое лето Мария Федоровна с детьми отправлялась в паломническую поездку в Троице-Сергиеву лавру: «У Троицы проводили два дня, посещали все службы, детям купали игрушки» [4, с. 49]. Первая книга для чтения детей в семье Достоевских – «Сто четыре священные истории Ветхого и Нового Завета, выбранные из священного писания и изряднейшими нравоучениями снабженные, изданные Иоанном Гибнером, в переводе М. Соколова и с его примечаниями». А. М. Достоевский вспоминал, как в 1870-е гг. брат объявил, что ему «удалось разыскать <...> экземпляр книги <...> (наш детский)» и что он «бережет его как святыню» [4, с. 63].

Особое значение в духовно-нравственном воспитании детей отводилось урокам Закона Божьего. Приходивший в дом Достоевских дьякон вдохновенно рассказывал истории Ветхого и Нового Завета своим ученикам, а факты Священной истории пробуждали стремление к нравственному анализу собственных мыслей и поступков. Кроме того, поэтический строй текста, сопрягающего в пределах каждого конкретного сюжета бытовое и сакральное содержание, давал ресурс для активной рефлексивной деятельности, погружению в процессы внутреннего мира человека, стимулировал деятельный ум Достоевского-мальчика.

Эти факты говорят об устойчивой системе духовно-нравственного воспитания в семье. С одной стороны, можно говорить, что в этом нет ничего исключительного и воспитание детей вполне традиционно для того времени. Но, с другой стороны, вряд ли книга, по которой учился читать Ф. М. Достоевский, была общепринятым пособием. Учитывая, что в семье врача обучение могло вестись по совершенно другим книгам, сугубо материалистической направленности, мы видим сознательный выбор родителей в пользу текстов, влияющих именно на формирование ценностно-смысловой структуры сознания детей.

Впоследствии книга Гибнера будет упоминаться в романе «Братья Карамазовы» в рассказе старца Зосимы о его детстве: «Была у меня тогда книга, священная история с прекрасными картинками,

под названием „Сто четыре священные истории Ветхого и Нового Завета“, и по ней я и читать учился» (т. 14, с. 264). А. Г. Достоевская в примечаниях к «Братьям Карамазовым» отметила: «По этой книге Федор Михайлович учился читать».

Среди широко тематического и нравственного спектра библейских историй сильнейшее впечатление на Достоевского-мальчика производит «Книга Иова», которой он позже даст такую характеристику: «одна из первых, которая поразила меня в жизни, я был тогда еще почти младенцем!» (т. 29, кн. 2, с. 43). Она тоже упоминается в романе «Братья Карамазовы». По словам А. Г. Достоевской, «это личные воспоминания Федора Михайловича (курсив мой. – А. К.) из его детства; несколько раз от него слышала» [6, с. 68]. Судьба Иова была в сфере внимания Достоевского и в период работы над романом «Подросток». В подготовительных материалах к нему есть многочисленные выписки из книги Иова (т. 16, с. 140–141; т. 13, с. 330; т. 16, с. 346; т. 17, с. 423).

Но в этой череде фактов особенно выделяются два ранних свидетельства самого Достоевского, о которых мы узнаем в изложении супруги писателя и его первого биографа О. Миллера. По свидетельству А. Г. Достоевской, писатель часто вспоминал о своих первых религиозных переживаниях, о том, как в двухлетнем возрасте мать причащала его в церкви, и из одного окна в другое пролетел белый голубок. Этот случай, на первый взгляд, вполне заурядный, поскольку в XIX в. приобщение детей к таинствам Церкви было общепринятой нормой, стал потрясением для души ребенка. Кажущееся после улицы темным помещением храма словно яркий луч света пронзает пролетающий из окна в окно белый голубь... Впервые в своей жизни Достоевский увидел, еще не осознавая смысла происходящего, пережил опыт столкновения света и тьмы, чуда, совершающегося в реальном мире, но при этом открывающего мир иной, невидимый. Этот яркий образ летящего голубя становится для писателя символическим обозначением духовного смысла бытия, духовной сути происходящих событий. Впоследствии именно духовное измерение станет для Достоевского приоритетом в оценке каждого факта и переживания.

О. Миллер, один из первых биографов Достоевского, приводит еще один показательный факт: «Едва ли не самым ранним воспоминанием Федора Михайловича было, как однажды няня привела его, лет около трех, при гостях в гостиную, заставила стать на колени перед образами и, как это всегда бывало на сон грядущий, прочесть молитву» [7, с. 5–6]. И этот факт вполне укладывается в систему традиционного православного воспитания: ребенок перед образами читает на перед сном

молитву «Все упование, Господи, на Тя возлагаю, Мать Божия, сохрани мя под кровом своим». Но читает ее публично, перед гостями, которых происходящее умиляет, и они ласково говорят: «Ах, какой умный мальчик!». Это событие становится еще одним открытием, которое впоследствии определит специфику мировидения Достоевского и способности его словесного взаимодействия с миром: именно его слово, произнесенное не в интимно-уединенной ситуации вечерней молитвы, а вслух, «на миру», удивляет и будоражит окружающих.

Два этих события далекого детства, два первых сокровенных религиозных переживания соединяются в одно глубинное, фундаментальное Событие – осознания Достоевским-ребенком своей экзистенции, своего «Я есмь», связанного неразрывно со светом и словом как способами восприятия бытия и самоосуществления себя в нем. Это опыт рождения личности писателя.

Анализ биографических свидетельств и высказываний самого Достоевского показывает, что именно характер его религиозных убеждений оказал существенное влияние на становление духовного мира его личности. В детстве, когда он находился под покровом веры родительской, эти убеждения носили естественный, цельный характер. В период взросления, в подростковом возрасте, начинается период поисков, выражающийся в метафизическом бунте, проверке жизнью своих религиозных убеждений, притяжение и отталкивание своих детских впечатлений. Это период *pro et contra* вырастает до целостной духовной позиции, сознательного прихода к вере в период каторги.

Важной в воспитательном отношении семейной традицией было и совместное чтение вслух по вечерам. Круг чтения семьи составляли произведения Н. М. Карамзина, Г. Р. Державина, В. А. Жуковского, А. С. Пушкина, А. Радклиф и др. Когда отец был свободен, он читал детям «Историю государства Российского», причем особенно часто последние тома (с IX по XII), посвященные периоду Смутного времени, правлению Бориса Годунова и феномену русского самозванства. Позже в «Дневнике писателя» Достоевский скажет об этом: «Мне было всего лишь десять лет, когда я уже знал почти все главные эпизоды русской истории из Карамзина, которую вслух по вечерам нам читал отец» (т. 21, с. 134). Как ни странно, этот опыт совместного чтения, вполне традиционный для дворянской семьи, имел в экзистенциальной биографии Достоевского решающее значение. На этом этапе он еще не совершает самостоятельно выбора произведений, ориентируясь на родительский опыт и принимая их предпочтения. Это этап своеобразного ученичества, коммуникации через книгу с отцом, к которому мальчик тянулся и охотно слушал не из

страха быть наказанным, а из желания быть сопричастным тому содержанию, о котором он говорит. В плане судьбы писателя выбор книг преимущественно исторического содержания, связанного с эпохальными событиями российской истории, с жизнью выдающихся личностей, открывает молодому Достоевскому качественно новые смыслы и своей собственной судьбы. В чем его предназначение? Каковы возможности личности? Что управляет поступками человека? Почему судьбы этих исключительных личностей трагичны? Пытливый ум молодого, эмоционального, восприимчивого мальчика с хорошо развитым воображением и стремлением пропускать любую информацию через формирующиеся в этот момент ценностные установки сознания не мог пройти мимо этих вопросов. Безусловно, ответить на них в полной мере он сам пока не мог, но на всех этапах своей последующей жизни он будет к ним возвращаться: будет ставить их, экспериментировать со спектром возможных ответов, формулировать свою позицию и... снова искать, не удовлетворяясь «застывшим» результатом. Если на этапе знакомства со сказками Достоевский слушает и творит свой художественный мир, то на этапе развития смысловой сферы сознания срабатывают аналитические механизмы восприятия, требующие не просто принятия и согласия, а оценки и выработки собственной позиции.

Этот рефлексивный опыт станет особенно актуальным в период обучения Достоевского за пределами дома, в пансионах, принципиально чужом, обезличивающем и стандартизирующем личность пространстве. Мальчик, чей круг общения ограничивался домашними и редкими гостями отца, попадает в большой мир, информацией о котором он не обладает и к которому долгое время пытается привыкнуть. Достоевский знакомится не только с представителями разных социальных слоев, он знакомится с абсолютно разными личностями. Эта плюральность судеб, ценностных и мировоззренческих позиций усиливается еще одним принципиальным моментом: ситуация внесемейного общения с людьми вынуждает его занимать персональную позицию, учиться говорить от своего имени, проговаривать для себя и для других свои взгляды и убеждения. Становление персональной позиции Достоевского в этот период маркируется усилением внимания к чтению, страстным увлечением литературой. В этот период он уже сам учится выбирать, что читать, ориентируется не просто на свой эстетический и интеллектуальный вкус. Чтение становится способом формирования смыслового ресурса его личности, способом уединения и размышления в пространстве пансиона, где оказаться наедине с собой было крайне проблематично.

Интересно проанализировать, как чувствовал себя двенадцатилетний Достоевский в пансионе Сушара (Драшусова), куда он был определен на год вместе с братом Михаилом для подготовки к поступлению в закрытый пансион с гимназическим курсом, среди других подростков, которые были ему чужими после замкнутой семейной жизни. Периодом активного осознания этого подросткового опыта становится конец 1860-х гг., когда Достоевский работает над «Житием великого грешника». И в романе «Подросток» этот пансион в определенной мере дал материал для изображения «пансиона Тушара», который Аркадий пренебрежительно называет «пансионешко», определяя и свое отношение к этому учебному заведению, и качество преподавания в нем. Очевидно, что собственный опыт становится для писателя точкой опоры в осмыслении особого периода в становлении личности любого человека. Феномен подросткового сознания моделируется в текстах Достоевского как перманентно становящаяся в аксиологических координатах реальность, основанием которой является уникальный опыт экзистенции человека. Достоевского в этом процессе интересует отнюдь не проблема социального неравенства, как считает и В. С. Нечаева [1, с. 40], а процесс внутреннего становления сознания, который подросток непосредственно переживает и не может дистанцироваться для рефлексии и оценки.

Фактически пансион Сушара становится первым столкновением Достоевского с внешним миром и первым же потрясением от встречи с собственным Я, которое, выйдя за пределы строго очерченной и регламентированной семейной реальности, вынуждено активно и самостоятельно взаимодействовать с бытием, искать и определять границы собственной экзистенции между Я и не-Я, принимать факты собственного опыта, как положительного, так и отрицательного. Это первая самостоятельная попытка жить, реализуя свое «не-алиби в бытии».

Совершенно другую роль в экзистенциальной судьбе будущего писателя сыграл московский частный пансион Л. И. Чермака. К этому периоду относится первая словесная зарисовка облика и характерных черт поведения писателя, сделанная его соучеником В. М. Каченовским, который впоследствии станет известным литератором и мемуаристом. Достоевский в период их знакомства был на 5 лет старше, поэтому принимал активное участие в защите своего товарища, поддерживал и утешал его в трудных ситуациях: «В то время Федор Михайлович был вместе с братом уже в старших классах; это был серьезный, задумчивый мальчик, белокурый с бледным лицом. Его мало занимали игры: во время рекреаций он не оставлял почти книг, прав-

да, остальную часть свободного времени проводил в разговорах со старшими воспитанниками пансиона» [8, с. 85].

Атмосфера пансиона Чермака способствовала развитию интеллектуально-смысловой сферы личности: «Мне потом не раз случалось встречаться с лицами, вышедшими из пансиона Чермака, где получил образование Достоевский; все отличались замечательною литературною подготовкой и начитанностью» [9, с. 47]. Развитие интереса к чтению как способу самообразования, сформированное в пансионе, определяло и модель поведения дома в выходные дни: невыполнение домашних заданий и повторение уроков, а книги заполняли все свободное время. Для братьев Достоевских чтение и в период ученичества, и во взрослой жизни было не просто способом саморазвития, но и всегда актуальной темой для устного и эпистолярного обсуждения: они привыкли анализировать и оценивать прочитанное, делиться соображениями, спорить.

Особую роль в формировании смысловой сферы повседневно-экзистенциального сознания играет на этом этапе самостоятельно формируемый молодым Достоевским круг чтения, который является одним из наиболее показательных критериев определения ценностно-смысловых приоритетов его повседневно-экзистенциального сознания. Здесь важен и перечень прочитанных книг, и само качество чтения. Круг чтения писателя в юности – максимальное проявление индивидуальности, потому что на всех этапах, от домашнего обучения до Инженерного училища, выбор книг был единственно возможной ситуацией персонального выбора. Во всех остальных случаях Достоевский действует, подчиняясь воле отца, педагогов и наставников. И только в чтении он получает возможность проявления себя как самостоятельной личности, находящейся в силу возраста в ситуации активного поиска своего Я, самоидентификации и самоопределения. Кроме того, чтение мы можем рассматривать как этап уединения, предшествующий совершенному выбору уже другого уровня. Биографические свидетельства младшего брата Андрея Михайловича подтверждают, что во время чтения Достоевский предпочитал находиться в одиночестве, причем продолжалось оно, как правило, достаточно продолжительное время и было системным. В плане персоналий его особо привлекает литература романтизма, в частности романы Вальтера Скотта. Много лет спустя в письме к Н. Л. Озмидову от 18 августа 1880 г. по поводу рекомендуемых произведений для чтения его дочери Достоевский изложил свое мнение «по соображению и по опыту»: «12-ти лет я в деревне во время вакаций прочел всего Вальтер-Скотта, и пусть я развил в себе фантазию и впечатлительность, но зато я направил ее в

хорошую сторону и не направил на дурную, тем более что захватил с собой в жизнь из этого чтения столько прекрасных и высоких впечатлений, что, конечно, они составили в душе моей большую силу для борьбы с впечатлениями соблазнительными, страстными и растлевающими. Советую и Вам дать Вашей дочери теперь Вальтер-Скотта тем более, что он забыт у нас, русских, совсем, и потом, когда уже будет жить самостоятельно, она уже не найдет ни возможности, ни потребности сама познакомиться с этим великим писателем; итак, ловите время познакомить ее с ним, пока она еще в родительском доме, *Вальтер-Скотт имеет высокое воспитательное значение* (курсив мой. – А. К.)» (т. 30, кн. 1, с. 212). Особое значение для молодого Достоевского имели серьезные исторические сочинения, творчество А. С. Пушкина, который осознавался писателем как современник.

Особую роль в формировании поведенческого текста Достоевского в этот период сыграл учитель словесности в пансионе Чермака, литератор Н. И. Билевич. Свою мировоззренческую и профессиональную позицию он изложил в двух, программных по своему характеру и влиянию на учеников, текстах: в статье «О преподавании русского языка и словесности» («Библиотека для чтения», 1846 г.) и в статье о Николае Ивановиче Новикове («Московский городской листок», 1847 г.), который был идеалом Билевича, воплощающим «дух человека» мыслящего, рассуждающего и выражающего свои мысли. Яркая индивидуальность и талантливый педагог, он изложил свои педагогические установки и сформулировал тезис, которым руководствовался, обучая своих учеников: «Человек должен мыслить, рассуждать и уметь выражать свои мысли (понимаю – правильно), эти три условия разумного существования (курсив мой. – А. К.) его он обязан выполнить и в детстве, и в юности, и в возрасте мужества. Если слово есть выражение духа человека, то и сфера изучения словесности может ограничиваться этими тремя требованиями» [1, с. 5]. Этот тезис во многом определит экзистенциальный вектор судьбы Достоевского с его ярко выраженной лого- и литературоцентричностью сознания. Братья Достоевские общались со своим педагогом ежедневно, доверяя его авторитету и ориентируясь на него как образец самостоятельной, творческой, неординарно мыслящей личности с четкой мировоззренческой позицией и способностью произносить свое слово. Под влиянием личности учителя, под воздействием непрерывного чтения они впервые погрузились в осмысление нравственных, психологических и социальных проблем. Обучаясь в закрытом пансионе Чермака, они находились в ситуации изоляции, уединения от мира в течение достаточно длительного време-

ни, учитывая стремительность процессов развития юношеского сознания. Весь их мир был сконцентрирован вокруг слова: в него они погружались во время чтения (своеобразной научно-литературной энциклопедией для братьев Достоевских в этот период становится журнал «Библиотека для чтения»), с его помощью пытались определить свои мысли и переживания, его они видели в качестве стратегического вектора своей самостоятельной, взрослой жизни. Неслучайно именно Н. И. Билевич оказал влияние на увлечение братьев Достоевских журналистикой.

Подростковый период, когда смысловые границы сознания особенно проницаемы, для Ф. М. Достоевского становится возрастом оформления способности мыслить, выражать мысли и рассуждать. Венцом его аналитических усилий становится четкое представление об идеале, поэтому в этот период он сам во многом напоминает будущих героев своих произведений, петербургских мечтателей, устремленных в сферу идеального бытия и пренебрегающих обыденной прагматической реальностью, живущих идеальном в слове и этим словом объясняющих смысл своего существования.

Обучение в пансионах для писателя, с одной стороны, это этап изоляции, уединения, в этот период он максимально остро переживает боль одиночества и обособления. Он определяет не только развитие собственно интеллекта Достоевского-подростка, он знаменует расширение сознания, приобретение опыта самостоятельного проживания сложных, критических по своему влиянию на личность мальчика, ситуаций. Поэтому мы и говорим, что на этом этапе происходит формирование смысловой сферы личности, которая у Достоевского невозможна вне ценностей и их рефлексивного осмысления. Впечатления периода обучения Достоевского в пансионах позднее он приурочил к отроческим годам своих будущих героев, сопроводив рядом упоминаний о людях и фактах своей личной биографии («Житие великого грешника», «Подросток»). Именно к двенадцатилетнему возрасту, к пребыванию в пансионе Сушара, относил впоследствии Достоевский в творческих планах глубокие нравственные потрясения своего героя, заставляя его пройти через нарушение остро осознаваемых им моральных норм вплоть до преступления (черновики «Жития великого грешника», частично вошедшие в роман «Подросток»). Необходимостью проживания в слове всех этапов своего экзистенциального опыта объясняется автобиографичность творческого мира Достоевского.

Биографические свидетельства о детстве писателя дают картину, вполне гармоничную для формирования личности. Основные этапы становления повседневно-экзистенциального сознания До-

стоевского обнаруживают ориентацию на ценностное воспитание и обучение в семье, на выработку самостоятельной мировоззренческой позиции, основанной на знаниях, приоритете духовного начала, необходимости постоянного труда и самосовершенствования.

Возможно, поэтому Достоевский будет уделять вопросам воспитания в семье, в котором происходит ценностная коммуникация двух разных поколений, такое пристальное внимание. Опыт собственного детства станет критерием, по которому писатель проведет достаточно четкую границу между «прежде» и «теперь», сопоставляя и противопоставляя принципиально разный духовный и нравственный уклад семьи. «Теперешняя» русская семья, которую он определяет термином «случайное семейство», противоречит идее семьи как таковой, демонстрирует небрежение в отношении родительских и сыновних обязанностей. Христианские доминанты воспитания духовной личности в пореформенную эпоху разрушаются не спонтанно и стихийно, по мысли писателя, а систематически и планомерно через разрушение духовных оснований семьи. Писатель подчеркивает, что такое положение вещей является закономерным результатом системы воспитания, построенной на цинизме, равнодушии, отрицании, насмешливом отношении к фундаментальным духовным ценностям: «<...> если с самого первого детства своего эти дети встречали в семействах своих один лишь цинизм, высокомерное и равнодушное <...> отрицание; если слово „отечество“ произносилось перед ними не иначе как с насмешливой складкой <...>; если великодушнейшие из отцов и воспитателей их твердили им лишь об идеях „общечеловеческих“; если еще в детстве прогоняли их няnek за то, что те над колыбельками их читали „Богоро-

дицу“, – то скажите: что можно требовать от этих детей? (курсив мой. – А. К.)» (т. 21, с. 135). Возникает закономерный вопрос: кого могут воспитать такие отцы и такие матери? Двое непослушных, лишенных духовных основ человека, могут воспитать только такого же ребенка, ориентированного на себя, а не на Бога и родителей: «Оторванность от почвы и от народной правды (здесь и далее в цитате курсив мой. – А. К.) в нашем юнейшем поколении должна уже удивить и ужаснуть даже самих „отцов“ их, столь давно уже от всего русского оторвавшихся и доживающих свой век в блаженном спокойствии критиков земли русской. <...> Сами же они теперь не узнают своих последствий и от них отрекаются» (т. 24, с. 52).

Страшным и разрушительным последствием для личности, воспитанной в «случайном семействе», с точки зрения Достоевского, становится «полная потеря высшего идеала существования» (т. 23, с. 25), который связан с идеей бессмертия. И самое страшное, что процессы эти необратимы, потому что «раз отвергнув Христа, ум человеческий может дойти до удивительных (курсив мой. – А. К.) результатов», которыми будут «мрак, <...> хаос, нечто <...> грубое, слепое, бесчеловечное» (т. 21, с. 133).

Таким образом, не идеализируя опыт своего детства, Достоевский как личность на всех этапах своей жизни обращается именно к нему как своеобразному нравственному ориентиру в поиске и обретении смысла существования и для себя, своей персональной экзистенции, и для своих читателей.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и правительства Томской области в рамках научного проекта № 17-14-70004a(p).

Список литературы

1. Нечаева В. С. Ранний Достоевский. 1821–1849. М.: Наука, 1979. 288 с.
2. Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: в 30 т. Л.: Наука, 1972–1986.
3. Быков П. Выдержки из автобиографии Ф. М. Достоевского // Красная газета. 1925. Веч. вып., № 47, 24 февраля.
4. Достоевский А. М. Воспоминания / ред., вступ. ст. А. А. Достоевского. Л.: Изд-во писателей в Ленинграде, 1930.
5. Летопись жизни и творчества Ф. М. Достоевского: В 3 т. (1821–1881) / сост. И. Д. Якубович, Т. И. Орнатская; Российская академия наук, Институт русской литературы (Пушкинский дом); под ред. Н. Ф. Будановой, Г. М. Фридлендера. Т. 1: 1821–1864. СПб.: Академический проект, 1993. 530 с.
6. Гроссман Л. П. Семинарий по Достоевскому. Материалы, библиография, комментарии. М.; Пг., 1922.
7. Биография, письма и заметки из записной книжки // Полное собрание сочинений Ф. М. Достоевского. СПб., 1883. Т. 1.
8. Федор Михайлович Достоевский в портретах, иллюстрациях, документах / под ред. В. С. Нечаевой. М., 1972. 447 с.
9. Григорович Д. В. Литературные воспоминания. М., 1961. 215 с.

Кошечко Анастасия Николаевна, доктор филологических наук, доцент, профессор, директор Международного научно-практического центра аксиологии и методологии духовно-нравственного воспитания, Томский государственный педагогический университет (ул. Киевская, 60, Томск, Россия, 634061). E-mail: Nastyk78@mail.ru

Материал поступил в редакцию 06.09.2017.

DOI 10.23951/1609-624X-2017-11-194-202

DIRECTIONS OF EDUCATION OF VALUE STRUCTURE OF DAILY AND EXISTENTIAL CONSCIOUSNESS OF F. M. DOSTOYEVSKY

A. N. Koshechko

Tomsk State Pedagogical University, Tomsk, Russian Federation

The article presents the analysis of the initial stage of the formation of existential consciousness of Dostoyevsky. The family sphere finds orientation of parents of the writer to values of traditional family and patriarchal model of education. Orientation to traditional values in Dostoyevsky's family is implemented at the level of the principles of interpersonal interaction (monogamy, possession of many children, respect and esteem for seniors) and priorities in upbringing of children (reliance on education and diligence, schooling to truth, decency, responsibility, love for the country and national culture). The research of the facts of Dostoyevsky's childhood allows to allocate three interconnected directions of education of the valuable sphere of his daily and existential consciousness: emotional, semantic, religious. United in a single fundamental event by the fate of the writer, they serve as peculiar symptoms of awareness of the existence by Dostoyevsky the child, bound indissolubly to light and a word as in the ways of perceiving being and self-realization of oneself in it. Of particular importance in this process – in addition to family reading and lessons in the Law of God, pilgrimage trips to the Trinity-St. Sergius Lavra – is training in boarding schools, the first experience of Dostoyevsky's clash with the outside world, the shock of meeting with his own self, an independent attempt to realize “non-alibi in being” through the acquisition of the ability to speak on its own behalf. During this period reading becomes a way of formation of a semantic resource of his personality, a way of a seclusion and reflection in boarding house. Understanding of himself in life, procedurally mastered in the childhood, forms the the value-semantic sphere of daily and existential consciousness of Dostoyevsky and is implemented in text activity. Experience of own childhood as a moral guideline will become for the writer a criterion of differentiation “before” and “now”, “family” and “casual family” as different spiritual and moral ways of existence. Systematic destruction of the spiritual bases of family, neglect to the performance of parental and filial responsibilities, education of cynicism, indifference, denial leads to loss of sense of existence. Semantic capacity of the image of family and behavioural family tradition are the basis for formation of the image of the world in Dostoyevsky's “Writer's diary” and novels of the Great Pentateuch. From the idea of family as a phenomenon of the Russian life a positive program of overcoming spiritual crisis of mankind is built in his works.

Key words: *F. M. Dostoyevsky, author, existential consciousness, attributive characteristics, values, Orthodoxy, consciousness, childhood, teenager, education, reflection, “a boundary situation”, “the current procedurality”, “casual family”, “Teenager”, “A Writer's Diary”.*

References

1. Nechaeva V. S. *Ranniy Dostoyevskiy. 1821–1849* [Early Dostoyevsky. 1821–1849]. Moscow, Nauka Publ., 1979. 288 p. (in Russian).
2. Dostoyevskiy F. M. *Polnoye sobraniye sochineniy: v 30 t.* [Complete works: in 30 volumes]. Leningrad, Nauka Publ., 1972–1986 (in Russian).
3. Bykov P. Vyderzhki iz avtobiografii F. M. Dostoyevskogo [Excerpts from the autobiography of F. M. Dostoyevsky]. *Krasnaya gazeta*. 1925, vech. vyp., no. 47, 24 fevralya (in Russian).
4. Dostoyevskiy A. M. *Vospominaniya* [Memoirs]. Leningrad, Izd-vo pisateley v Leningrade Publ., 1930 (in Russian).
5. *Letopis' zhizni i tvorchestva F. M. Dostoyevskogo. V 3 t. (1821–1881)*. T. 1: 1821–1864 [Chronicle of life and F. M. Dostoyevsky's creativity. In 3 volumes (1821–1881)]. Compl. I. D. Yakubovich, T. I. Ornatskaya. Russian Academy of Sciences, Institute of Russian Literature (Pushkin House). Ed. N. F. Budanova. St Petersburg, Akademicheskii proekt Publ., 1993. 530 p. (in Russian).
6. Grossman L. P. *Seminary po Dostoyevskomu. Materialy, bibliografiya, kommentarii* [Seminaries according to Dostoyevsky. Materials, bibliography, comments]. Moscow, Petrograd, 1922 (in Russian).
7. *Biografiya, pis'ma i zametki iz zapisnoy knizhki T. 1*. [The biography, letters and notes from the notebook. Vol. 1]. *Polnoye sobraniye sochineniy F. M. Dostoyevskogo* [Complete Works of F. M. Dostoyevsky]. St. Petersburg, 1883. (in Russian).
8. *Fedor Mikhaylovich Dostoyevskiy v portretakh, illyustratsiyakh, dokumentakh* [Fedor Mikhaylovich Dostoyevsky in portraits, illustrations, documents]. Ed. by V. S. Nechaeva. Moscow, 1972. 447 p. (in Russian).
9. Grigorovich D. V. *Literaturnye vospominaniya* [Literary memoirs]. Moscow, 1961. 215 p. (in Russian).

Koshechko A. N., Tomsk State Pedagogical University (ul. Kievskaya, 60, Tomsk, Russian Federation, 634061).
E-mail: Nastyk78@mail.ru